

Такъ же, какъ Богъ, душа разумна, и совершенна, какъ Богъ—она любовь и воля...

Таковъ отвѣтъ Толстого на второй вопросъ философіи, отвѣтъ съ логической необходимостью выведенный изъ перваго положенія о сущности и условіи всего бытія.

Изъ этихъ двухъ положеній само собой вытекаетъ рѣшеніе 3-й проблемы философіи: *какъ возможно познаніе сущности вещей an und für sich?* какъ возможно познаніе Бога?

Такъ какъ Богъ есть сущность вещей, основа бытія, а душа есть часть этого бытія, то душа и Богъ—одно и то же. Если же душа и Богъ одно и то же, то наше «я» (душа) можетъ абсолютно познать Бога, ибо «Богъ живетъ во мнѣ» и «я въ немъ». Мы не можемъ выразить ни душу, ни Бога словами, но мы *знаемъ*, непосредственно чувствуемъ или переживаемъ Бога... «Когда я размышляю, то мнѣ труднѣе понять, что такое мое тѣло, чѣмъ то, что такое моя душа. Какъ ни близко тѣло, оно все-таки *чужое*, только душа *своя*».

«Я для Бога—другой Онъ. Онъ во мнѣ находитъ то, что вѣчно будетъ подобно Ему» (11 стр.). «Познать Бога можно только въ себѣ. Пока не найдешь Его въ себѣ, не найдешь Его нигдѣ». («Путь жизни». Богъ, стр. 4).

Богъ и душа—тождественны, поэтому возможно абсолютное познаніе Бога.

Выводъ, какъ видите, логически вполне правильный и необходимый... Таково рѣшеніе третьей проблемы философіи...

Изъ этого послѣдняго рѣшенія непосредственно вытекаютъ кажушееся на первый взглядъ парадоксальнымъ отношеніе Толстого къ наукѣ, противъ котораго особенно возстаетъ проф. Исаевъ.

Наука изучаетъ то, что передаютъ намъ органы чувствъ, т.-е. міръ внѣшній, вещественно-матеріальный, а не самую основу бытія... Внѣшній же міръ, какъ уже выше было указано, по мнѣнію Толстого, есть только нѣчто кажушееся—«наша мечта», а не подлинно-сущее (Сравни съ Кантовскимъ «явленіемъ»). Отсюда ясно, что и науки, изучающія